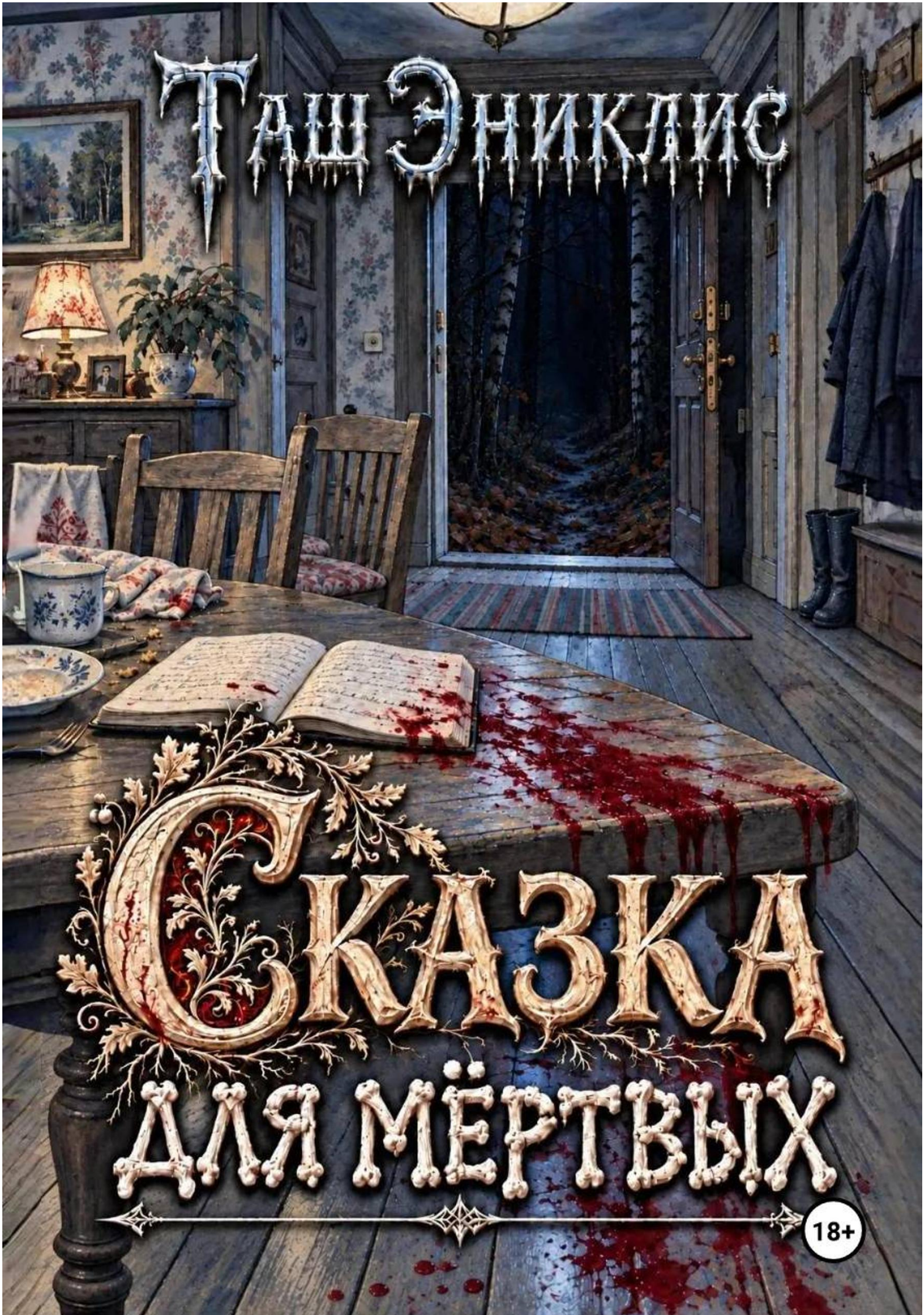

Таш Эникли
Сказка
для мёртвых
18+

Таш Эниклис

Сказка для мёртвых

«Автор»
2026

Эниклис Т.

Сказка для мёртвых / Т. Эниклис — «Автор», 2026

— А давайте каждый придумает, чем все закончилось! Три года назад погиб Денис. В память о нем друзья собираются в его доме и находят незавершенную страшную сказку. Почему бы не дописать ее вместе? Они хорошо знали автора, помнят, как он любил пугать, и каждый уверен, что сможет придумать по-настоящему жуткий конец. Они смеются, требуют больше крови и спорят, кого убить первым. Вот только иногда сказка может стать былью...

© Эниклис Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
От автора 6
Пролог 7
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Таш Эниклис
Сказка для мёртвых

«Кота Баюна не всякий увидит, а услышать и за стеной можно. Иной скажет — ветер в щелях, либо ветка по стеклу скребет. Да только ветер имени твоего не знает и слов, о коих ты никому не сказывал, не помнит. Не сразу он человека окликает. Сперва слушает, чем тот живет да о чем по ночам молчит. А после заговорит — и покажется тебе, что всю жизнь ты одного этого голоса дожидался. Вроде и знает человек, что нельзя отвечать, — и дверь заперта, и огонь горит, и люди рядом, — а все одно прислушивается: вдруг еще слово скажет. Только не за всяким голосом живой стоит. Да не всякий живой сумеет от мертвого отвернуться».

— Из записей собирателя северных поверий.

Дисклеймер

Предупреждение для читателя

Данное художественное произведение содержит сцены и темы, которые могут быть тяжелы для восприятия некоторой аудиторией, включая:

— табакокурение;

— сцены насилия, жестокости и убийств;

— описания смерти и психологически напряженных ситуаций.

Книга предназначена для зрелой аудитории.

Если перечисленные темы вызывают у вас дискомфорт, тревогу или сильные эмоциональные переживания, рекомендую воздержаться от чтения.

Автор не пропагандирует употребление алкоголя и табакокурение и рекомендует придерживаться здорового образа жизни.

От автора

Дорогой мой читатель!

Присаживайся скорее к столу. Здесь вспоминают друзей и рассказывают сказки.

Ты ведь тоже любишь страшные истории? Такие, после которых хочется проверить замок, задернуть шторы и попросить кого-нибудь не уходить. Даже если еще минуту назад ты смеялся громче остальных.

В этой книге будет кровь. Много крови. Будут крики, разорванная плоть и руки, которые до последнего пытаются удержать живого человека. Будет страх, от которого трудно думать и слишком легко поверить тому, кто обещает помочь. А еще здесь будут друзья. Те, кому открывают дверь среди ночи, кого зовут на помощь, кому верят, что ничего нельзя было сделать.

Эта книга — про слова, сказанные за общим столом, и про те, которые так и остались несказанными. Про человека, которого не дождались. Про правду, с которой годами сидят рядом, передают ей хлеб и спрашивают, как дела.

И про кота Баюна. Он тоже пришел послушать.

Так что устраивайся удобнее, дорогой читатель. Сказка уже началась, и скоро придет твоя очередь придумать ей окончание.

Таш Эниклис.

Пролог

Медведь вдавил человека в землю и сомкнул зубы на кости глазницы. Мужчина еще пытался оттолкнуть его, упираясь ладонью в мокрую морду, но зверь мотнул головой, и кожа на лбу разошлась, обнажая кость. Крик оборвался, когда челюсти перехватили лицо на переносице, а медвежья лапа прижала грудь, не позволяя повернуться.

Ноги заскребли по листьям. Мужчина изогнулся, хватаясь свободной рукой за корень, торчащий из склона, и его пальцы сорвали с него полоску коры. Зверь навалился, оттеснив голову к земле, и снова потянул зубами, отрывая щеку вместе с губой. Кровь хлестнула на хвою, потекла под затылок, пропитывая волосы, а из разорванного рта вырвался хрип.

Медведь проглотил клочок плоти и прикусил голову выше. С хрустом оторвалась кожа, натянувшаяся от брови до самого затылка, и среди темных волос появилась широкая кровавая полоса. Мужчина дернулся, ударил пяткой по земле и затих, все еще держась за корень. Его рука разогнулась, ладонь осталась лежать на мокрой коре, а зверь продолжал грызть лицо, вдавливая его в листья.

Под мордой хрустнули кости. Медведь потянул голову за уцелевшую щеку, развернул ее и принялся рвать возле глазницы, пока разжевывал то, что осталось во рту. Из-под челюстей свисала кожа с прилипшими волосами, на обнаженной скуле темнела рваная рана. Тело больше не сопротивлялось, только плечо приподнималось всякий раз, когда зверь дергал его за голову.

Он переступил через вытянутую руку, прижал ее лапой и вгрызся в плечо. Куртка треснула, зубы заскользили по кости, захватывая плоть под разорванным рукавом. Медведь уперся передними лапами в землю и потянул назад, волоча тело следом, затем снова придавил его и рванул. Рука вывернулась, на мгновение удержалась на натянутых окровавленных тканях и оторвалась вместе с клочьями одежды.

Зверь оттащил ее к кусту и принялся грызть. Между челюстями хрустела кость, голая кисть качалась возле земли, пока он перехватывал оторванную конечность, добираясь до мяса. Потом медведь выпустил остатки и вернулся к телу, с которого съехала располосованная куртка. На груди проступили глубокие борозды, а возле пояса разошлась ткань толстовки.

Он опустил морду к животу и вцепился в бок. Кожа натянулась под зубами, прорвалась, и зверь выдрал ее вместе с плотью, обнажив влажные петли кишок. Из живота вытекла кровь, смешиваясь с грязью под телом. Медведь прижал останки лапой и снова наклонился, роняя на разорванную одежду густую слюну, а когда поднял морду, следом потянулись внутренности.

По оврагу разносились чавканье и треск раздираемой плоти. Зверь рвал брюшную стенку, отхватывал мясо с ребер и заглатывал, опускаясь все ниже к развороченному животу. Тело сдвигалось под его весом, голова повернулась набок, открывая зубы, с которых были содраны губы. Возле затылка чернели волосы, слипшиеся на оторванной коже, а от лица остались обломки костей в кровавом месиве.

Медведь отошел, принюхиваясь к разрытой земле, затем вернулся и схватил правую ногу. Вспорол зубами джинсы под коленом, перегрызая мышцы, и дернул так, что тело перевалилось на бок и снова на спину. Нога хрустнула, из разорванной штанины показалась кость, а зверь снова сомкнул челюсти, выворачивая голень. Последние сухожилия разорвались, и ботинок вместе с частью ноги отнесло в сторону, пока медведь трепал оторванный кусок.

Вскоре он подхватил тело за куртку и потащил вдоль склона. Рука зацепилась за куст, вывернулась ладонью вверх и оставила на коре темный мазок, а за разорванным животом протянулись слипшиеся от крови листья. Медведь протащил останки еще несколько шагов и бросил возле ели, где нижние ветви почти касались земли.

Он разгреб лапами подстилку и мордой нагреб на тело мокрую хвою с комьями земли. Сухая ветка треснула под его весом, вторая легла поперек обнаженной груди, прикрывая рас-

поротый живот. Медведь еще раз потянул к себе лесной сор и придавил лапой, а из-под наломанных веток остались видны край одежды и кисть с грязью под ногтями.

Глава 1

Шестнадцатого октября Илья проснулся до будильника и долго лежал с закрытыми глазами, пытаясь вспомнить, зачем поставил его на выходной. В квартире было прохладно, из-за неплотно задернутой шторы просачивалось утро, и можно было еще поспать, если бы не предстоявшая поездка. Он уже третий год ненавидел этот день, хотя каждый раз заранее убеждал себя, что теперь точно справится. А неделю назад, согласившись на встречу, решил, что сумеет собраться без дурацкой тяжести в груди, сесть за руль и доехать. К обеду выяснилось, что справляться придется со всем, вплоть до выбора рубашки, потому что черная казалась нарочитой, светлая — неуместной, а мысль о том, что Денис непременно высмеял бы обе, заставила швырнуть их обратно в шкаф.

Теперь он ехал из Петрозаводска в серой толстовке, с сумкой на пассажирском сиденье и пакетом продуктов, которые едва не забыл у порога. К третьей годовщине друга Ромка предложил собраться у Дениса дома. Три года они встречались по двое, по трое, иногда пересекались случайно, однако всей прежней компанией в этом доме не собирались. Отказаться от приглашения он не смог, а теперь злился, что вообще искал повод для отказа, хотя никто еще не успел ни о чем его спросить.

Возле магазина на выезде из города поток замедлился, и Илья успел рассмотреть серую дверь с торца здания. Когда-то после смены он выходил через нее во двор, где разгружались машины, и первые несколько минут шел до остановки, глядя себе под ноги, потому что спина болела и хотелось поскорее сесть. Вывеску магазина поменяли, двор отгородили, а дверь осталась прежней. Даже пятно над козырьком, оставшееся от старого крепления, никто не закрасил, и Илья вспомнил, как стоял здесь под мокрым снегом, ругая Дениса за опоздание.

Тот сам уговорил его приехать на выходные и обещал забрать сразу после работы. Илья упирался: до этого были занятия, затем десятичасовая смена, и на чужие планы сил уже не оставалось, но Денис уверял, что никаких планов у него нет, кроме ужина, дивана и возможности наконец нормально пообщаться. В итоге Илья согласился, особенно подчеркнув, что ждать не будет. Денис пообещал стоять у выхода заранее, а когда смена закончилась, на месте обнаружился один грузовик, и пришлось звонить, сунув свободную руку в рукав куртки.

— Ты где? Я уже вышел, а ты пять минут назад написал, что подъезжаешь.

— Съезд перекрыли, разворачиваюсь! Не стой на холоде, зайди обратно.

— А сразу сказать нельзя было? Я уже вещи сдал, меня сейчас опять охранник проверять начнет!

Денис попытался объяснить, где именно пришлось свернуть, и Илья оборвал его, посоветовав смотреть на дорогу. Когда машина наконец появилась, хотелось сначала высказать все, что накопилось, а уже потом садиться, но из приоткрытого окна тянуло теплым воздухом. Он устроился на пассажирском месте, бросил сумку под ноги и принялся расстегивать куртку, пока Денис извинялся и все-таки пытался доказать, что раньше на этом повороте никто ничего не ремонтировал.

— Я мог уже дома лежать! Ты сам меня вытащил, а потом еще жди тебя!

— Можешь ругаться до самого дома, я не возражаю. Только пристегнись, а то нас остановят, и тогда точно никуда не доедем.

Ругаться до самого дома не получилось, потому что за городом Илья уснул, прислонившись виском к подголовнику. Проснулся уже у ворот, когда Денис убавил музыку и полез за курткой, и услышал, что всю дорогу бормотал нечто обвинительное, за что теперь должен хотя бы помочь донести продукты. Сумку друг все равно забрал сам. Те выходные потом вспоминались фильмом, который они так и не досмотрели, и починкой кухонного шкафа: Денис купил

неподходящие петли, но до последнего надеялся, что их удастся поставить, если просверлить еще одну дырку.

Илья проехал магазин, успев рассердиться на точность, с которой помнил их перепалку. Некоторые дни из того времени исчезли совершенно, а семнадцать минут под снегом сохранились вместе с чужим грузовиком и недовольным охранником, спросившим, чего он стоит у двери. Можно было бы снова позлиться на Дениса, если бы после этого разрешалось сесть рядом с ним в машину. Илья прибавил обогрев, хотя в салоне давно было тепло, и перестроился перед поворотом, чтобы не застрять на выезде.

За городом дорога освободилась. На мокром асфальте лежали листья, по краям тянулись почти голые березы, между которыми темнели ели, а над полями висели низкие облака. Дождь то прекращался, то снова заставлял включать дворники, и ехать приходилось внимательно, не позволяя себе надолго отвлекаться. До деревни оставалось около часа, если не задерживаться, и Илья решил, что никуда сворачивать не станет. Ему хотелось уже добраться до дома, поздороваться и перестать придумывать, как пройдет этот вечер.

На знакомой развилке он ушел с трассы, а дальше поехал медленнее из-за разбитого края дороги. Здесь они с Денисом однажды свернули не туда, спорили, кто должен был заметить указатель, и наконец остановились у чужого забора, где пожилая женщина долго объясняла, как вернуться. Денис потом уверял, что специально проверял короткий путь, и Илья припомнил ему эти слова при первой же возможности. Сейчас нужный поворот был виден издалека, дорогу он знал, а подсказать, что снова заблудились, некому было даже в шутку.

В деревне еще ходили по улице, возле одного из домов мужчина убирал с дороги тачку, а у магазина стояла машина с открытым багажником. Илья повернул к последним домам, за которыми уже начинался лес. На крыльце был включен свет, перед воротами теснились знакомые машины. Он встал на оставленное место и некоторое время сидел, не выключая двигатель, пока на пороге не появился Вадим в расстегнутой рубашке.

— Илюха! Выходи уже, я тебя из окна заметил! А то сейчас Пахан опять начнет все греть, пока ты соберешься.

Илья заглушил мотор и потянулся за сумкой. Вадик спустился с крыльца, успел заглянуть через стекло и распахнул заднюю дверцу, решив помочь с пакетами. Пришлось напомнить, что продукты впереди, а сзади только старая куртка, которую он давно собирался забрать домой. Вадим отмахнулся, вытащил пакет с пассажирского места и приподнял его, рассматривая содержимое.

— Минералка? Илюха, ты нас в санаторий приехал навещать? Пива на всех не хватит.

— Я пиво тоже привез, оно в другом пакете. Дай сначала из машины выйти, Вадик, потом проверяй.

У крыльца Илья остановился вытереть ноги, а Вадим уже потянул дверь на себя и окликнул остальных. В тамбуре пришлось посторониться, чтобы пропустить Алину, вышедшую из прихожей с пустым пакетом в руках. Она обняла Илью, прижавшись щекой к плечу, и сразу спросила, как он.

— Куртку сюда вешай, место есть. Ты же с ночевкой? Мы тебе пока ничего не стелили, решим потом, кто где ляжет.

— С ночевкой, да. Я сумку оставлю, чтобы не мешалась, а то Вадик сейчас и ее начнет разбирать.

— Я проверяю, все ли доехало! — донеслось из гостиной. — Алька, у него там сыр, который ты просила, или он опять первый попавшийся взял?

Алина закатила глаза и ушла следом за Вадимом, а Илья повесил куртку и поставил сумку к стене. На тумбе возле входа лежала связка ключей с красным пластиковым брелоком. Денис таскал этот брелок еще со студенческих времен, все собирался выбросить, потому

что тот постоянно цеплялся за подкладку кармана. Илья заметил облупившийся край и почти потянулся перевернуть связку, но из гостиной вышел Роман, и пришлось шагнуть навстречу.

Он обнял Илью, похлопал по спине и забрал оставшийся пакет, спросив, нормально ли добрался. Ромка всегда начинал с дел, даже если спрашивать было особенно не о чем, и сейчас эта привычка оказалась кстати. Можно было пожаловаться на дорогу, уточнить, все ли приехали, и пройти внутрь, не останавливаясь у знакомых вещей. Илья увидел накрытый стол и Ксюшу возле окна.

— Все здесь, ты последний. Давай мой руки и садимся, Пашка уже полчаса не дает к еде подойти, говорит, надо тебя дождаться.

— Я не запрещал, просто предложил! — Павел выглянул из кухни с полотенцем на плече и протянул Илье руку. — Здорово, ты как раз вовремя, мы еще горячее не доставали.

— Он просто боится, что мы без него все съедим, — пояснил Вадим, ставя на стол принесенное пиво. — Тоха, передвинь свое хозяйство, тут бутылки некуда положить!

Антон сидел с краю дивана и заканчивал разговор по телефону. Он поднял свободную руку вместо приветствия, а потом убрал с журнального столика зарядное устройство и что-то ответил собеседнику, уже отворачиваясь к окну. Илья не стал его отвлекать и подошел к Ксении, которая держала перед собой две тарелки, очевидно забыв, куда собиралась их поставить. Она улыбнулась и обняла его одной рукой.

— Я думала, ты с утра приедешь. Мы тут пока разобрались, что где лежит, чуть весь дом не перевернули.

— Дома задержался. Ты давно здесь, Ксюш? Я могу с чем-нибудь помочь, пока вы все не сделали.

Она отдала ему тарелки и попросила поставить возле хлеба, а сама вернулась на кухню. Илья оглядел гостиную, в которой сразу оказалось тесно от знакомых голосов и людей, то и дело пересекавших друг другу дорогу. Диван стоял на прежнем месте, на подоконнике остался след от горшка, который Денис несколько раз ронял, открывая окно, и у телевизора по-прежнему лежал удлинитель, спрятать который ему вечно было некогда. На тумбе у телевизора стояла фотография, где они с Денисом сидели на полу возле разобранного шкафа, а над ними торчала дверца, ради которой и затевался ремонт.

Илья прежде не помнил этого снимка в рамке. Кто-то успел поймать момент, когда Денис показывал в камеру отвертку, а он пытался забрать ее, чтобы наконец закончить работу. На фотографии у него было такое недовольное выражение, что хотелось объяснить стоящему рядом Ромке, сколько времени они тогда провозились. Но тот уже разговаривал с Павлом о том, как лучше подвинуть стол, и Илья поставил тарелки, освободив ему проход.

— Тут прохода совсем нет! Если кто-нибудь захочет выйти, половине придется вставать, — Антон убрал телефон в карман и подошел к столу. — Давайте сюда, к дивану, чуть подвинем, пока не начали есть.

— Тогда туда не пройти будет. Ксюш, ты с той стороны сядешь или возле Алины? Нам понять надо, куда стулья ставить.

Стол сдвинули на несколько сантиметров, освободив проход, куда немедленно сел Вадим, вытянув ноги. Ксюшка хлестнула его по колену полотенцем и заставила убрать их, пригрозив, что следующую горячую тарелку поставит прямо на него.

— Ксюха, не зверствуй, мы же только приехали! Я, между прочим, стулья из комнаты таскал, пока вы с Алькой сыр по цветам раскладывали.

— Ты один стул принес и сразу сел! И в сыр руками лезть не надо, Вадик, я видела!

Вадим изобразил оскорбленное достоинство, но от блюда отодвинулся. Илья поймал себя на том, что улыбается, и перестал ждать, когда кто-нибудь заметит его растерянность. Можно было пойти вымыть руки, помочь донести оставшееся и сесть туда, где оставили место, не придумывая особенного поведения для сегодняшнего дня.

В коридоре было прохладнее, чем в гостиной. Дверь спальни Дениса оказалась прикрыта, дальше виднелись санузел и поворот к хозяйственной комнате. На мгновение Илья остановился возле спальни, помня, как Денис любил кричать оттуда, что уже готов, а сам продолжал искать чистые носки. Он не знал, сохранился ли за дверью прежний беспорядок, и открывать сейчас не хотелось, особенно при остальных. Из кухни позвали принести еще одну ложку, и Илья вернулся, успев только вымыть руки.

Павел стоял у плиты над сковородой, а Ксюшка пыталась найти широкую лопатку в ящике, который постоянно заедал. Илья взялся помочь, приподнял фасад и потянул на себя, после чего ящик едва не остался у него в руках. Павел подхватил его снизу и засмеялся, а Ксюша забрала нужную лопатку, даже не глядя на остальное содержимое. Они поставили ящик обратно, и Илья вспомнил, что Денис все-таки добрался до петель шкафа, но до направляющих у него руки так и не дошли.

— Он говорил, что починил, — Ксюша попробовала задвинуть ящик до конца и оставила узкую щель. — Я еще спросила, почему тогда не закрывается, а он сказал, что дереву надо привыкнуть.

— Это когда я помогал? Мы тогда другие петли купили, к этому вообще не прикасались.

— Значит, он тебя назначил виноватым заочно. Мне сказал, что вы вместе делали, я и не стала спорить.

Илья рассмеялся и открыл соседний шкафчик, где прежде стояли кружки. Они нашлись там же, только любимая у Дениса, с треснувшей ручкой, теперь была убрана в дальний угол. Он достал другую и налил воды, пока Павел перекладывал еду на блюдо. Пить хотелось, а садиться за стол все еще было трудно: нужно было занять какое-нибудь место, и Илья никак не мог перестать представлять, что сейчас Денис выйдет из спальни и недовольно спросит, почему начали без него.

Алина пришла за салфетками, заметила у Павла на рукаве муку и стала стряхивать ее полотенцем. Тот отмахнулся, попросив лучше забрать хлеб, а она, уходя, спросила, не надо ли Роме что-нибудь еще принести. Из гостиной ответили, что надо сесть наконец и дать людям поесть. Илья подхватил горячее блюдо, чтобы не стоять у них на пути.

За столом ему достался стул возле Антона. Вадим подвинул открытое пиво, но Илья достал свою минералку и попросил стакан, объяснив, что с дороги хочется воды. Вадим начал было уговаривать, однако Ксюша поставила перед Ильей стакан и велела оставить человека в покое. Потом все наконец сели.

Ромка поднял бутылку, но прежде чем заговорить, оглядел всех. Илья приготовился к длинным словам, которые придется слушать, опустив глаза, и даже потянулся за своей минералкой, чтобы занять руки. Роман, однако, ограничился тем, что хорошо все-таки собрались, а Денису бы понравилось, что никто не стал искать отговорки. Последняя часть задела, хотя он говорил сразу всем, и Илья отвинтил крышку, стараясь не расслышать в обычной фразе упрек.

— Давайте за него. Мы давно должны были вот так приехать, все вместе.

— За Дена, — Вадим поднял пиво и посмотрел на фотографию возле телевизора. — Сволочь он все-таки был, мог бы на снимке и нам отвертку оставить. Сам как мастер, а Илюха у него в учениках.

Никто не одернул его за ругань, и Илья почувствовал благодарность, которой не ожидал. Можно было выпить, поставить бутылку и наконец рассказать, что на самом деле в тот вечер мастер полчаса не мог найти нужную насадку. Вадим уверял, что фотографировал именно он и прекрасно все помнит, но на вопрос, почему тогда с Дениса потом требовали деньги за рассыпанный крепеж, немедленно обвинил Павла. Тот попытался возразить с набитым ртом, и Ксюшка потребовала сначала прожевать, иначе она не станет разбирать, кого именно назначили виноватым.

— Пашка вообще в тот раз позже приехал, — Илья отодвинул тарелку, чтобы показать на угол комнаты. — Ты пакет с шурупами уронил, когда за колонкой полез. Они под диван посыпались, мы потом магнитом собирали.

— Я полез, потому что музыку никто не мог включить! У него провод был такой, что сам отваливался.

— Ты и в комнате выключатель вырвал, когда лампочка перегорела! — Антон рассмеялся и отодвинул от Вадима открывашку. — Вот этим вот самым способом, когда надо только подождать, а ты уже помогаешь.

Вадим принялся доказывать, что выключатель держался на честном слове, и Илья вдруг вспомнил, как Денис в ответ на эту историю выдал ему фонарик, предложив до конца вечера ни к чему не прикасаться. Рассказал об этом, пока не успел снова задуматься, насколько уместно смеяться сегодня. Павел кашлянул, подавившись пивом, и Ромка потянулся похлопать его по спине, получив сердитое требование не выбивать из человека остатки ужина.

Некоторое время разговор шел без Ильи, и он наконец принялся есть. Павел приготовил картошку почти так, как делал Денис, но чеснока положил меньше, за что Вадим уже успел предъявить претензию. Сам Илья помнил другой ужин, когда Денис решил, что чеснок надо добавить еще и в соус, после чего никто не захотел ехать утром в город на его машине. Ксюшка сказала, что готовить он вообще умел только на компанию: если оставался один, мог весь день есть бутерброды и забывать, что поставил чайник.

— Он меня один раз позвал, я приехал, а ужин этот у него в морозилке! — Павел показал вилкой на холодильник. — Говорит: я думал, ты к девяти, еще успеем. А сам в сообщении написал к семи и даже спорить стал, пока я телефон не достал.

— Зато потом всю ночь бегал, предлагал, не принести ли еще что-нибудь, — Алина улыбнулась Илье через стол. — Ты помнишь? Мы уже не могли, а он все переживал, что голодные.

— Помню, он мне потом с собой половину упаковал. Я утром сумку открыл, а там хлеб даже в отдельном пакете, чтобы не помялся.

Илья рассказал, как Денис однажды пытался уложить ему в дорогу открытую банку огурцов, уверяя, что крышка надежная, и Антон тут же вспомнил, чем это закончилось. Они перебивали друг друга, путали даты, поправляли подробности, и Денис получался таким знакомым, что временами Илья поворачивался к кухне, ожидая возражения. Ему хотелось, чтобы друг наконец вмешался и объяснил, кто на самом деле настоял на огурцах, потому что у каждой их истории существовала еще одна версия, которую он теперь уже не услышит.

Ксюша почти не пила, зато несколько раз выходила на кухню, возвращаясь то с водой, то с тарелкой, которая никому пока не требовалась. Когда она в очередной раз встала, Илья спросил, не помочь ли, и получил удивленное «с чем?». Постояв возле стула, Ксюша вернулась на место и потянулась к своей бутылке.

— Три года уже, а я до сих пор у себя его номер не удалил, — Павел положил телефон экраном вниз и посмотрел на остальных. — На днях искал контакт, листаю, а там он. Каждый раз собираюсь убрать и не могу.

— А зачем убирать? — Ксения перестала возиться с этикеткой. — Тебе что, места не хватает? Или ты всем умершим сразу номера стираешь?

— Да я не про это, Ксюш! Просто наткнулся и опять вспомнил. У меня и переписка вся осталась, я ничего не удалял.

Илья хотел поддержать его, но не знал, что сказать, чтобы не сделать хуже. Номер Дениса у него тоже оставался, только сам он давно перестал листать контакты без необходимости, а переписку убрал в архив, когда телефон в очередной раз предложил фотографии из прошлых лет. Объяснять это сейчас не хотелось, тем более что Ксюшка уже просила прощения за резкость и Павел неловко уверял, что все нормально.

— Я иногда хочу ему что-нибудь отправить, — Илья посмотрел на лежащий у Павла телефон и наконец нашел, за что зацепиться. — Увижу какую-нибудь ерунду, уже собираюсь переслать. Потом вспоминаю, что некому.

Ромка допил пиво и спросил, будет ли кто-нибудь еще. К нему через стол потянулись пустые бутылки. Можно было снова заняться едой и переждать, пока разговор изменится сам, но Илья вдруг почувствовал, что так и не спросит ни о чем, если опять промолчит.

— Вы тогда тоже вот так сидели? В тот вечер, я имею в виду.

Павел начал что-то говорить одновременно с Алиной, после чего оба замолчали, уступая друг другу. Илья заметил эту неловкость и сразу пожалел о вопросе: получилось, словно он требовал отчета у людей, которые приехали вспоминать друга, а ему все было мало. Но забрать слова назад означало теперь уже самому превратить их во что-то запретное.

— Да по-разному сидели, — Ромка подвинул к нему блюдо, которое Илья не просил. — Сначала здесь, потом по дому разбрелись. Три года прошло, я тебе по минутам сейчас не расскажу.

— Я и не прошу по минутам. Он веселый был? Обычный?

— Обычный, — Вадим отодвинул салфетку и взял свою бутылку. — Ден как Ден. Мы ж не знали, что надо все запоминать.

Ксюша поднялась из-за стола и стала собирать пустые тарелки, хотя горячее еще оставалось. Илья хотел сказать, что не собирался никого обвинять, но она опередила его, попросив передать посуду с другого края. Илья отдал свою тарелку, взял хлеб, к которому уже не хотелось прикасаться, и несколько секунд разминал край, пока Антон не спросил, что у него с работой.

Ответить было легко, и от этого стало досадно. Можно было объяснить, почему поменяли график, кто ушел из отдела и отчего приходится задерживаться, но Илья ограничился тем, что все по-прежнему, а дальше спросил самого Антона. Тот рассказал о ремонте квартиры, Вадим немедленно предложил помощь, и разговор опять оживился. Илья слушал, как его отговаривают прикасаться к проводке, а сам думал о Денисе в тот вечер, который остальные помнили без него. Ему хотелось узнать обыкновенные вещи, вплоть до того, во что друг был одет, но после первого вопроса спрашивать дальше уже не получалось.

В кухне Алина о чем-то тихо разговаривала с Ксенией, а потом вернулась одна и села возле Романа. Тот спросил, не нужно ли дать ей другое пиво, потому что это нагрелось, и она отмахнулась, заметно повеселев. Илья впервые за вечер позволил себе оглядеть комнату без ожидания, что сейчас придется говорить.

За окном уже стемнело. Дождь усилился, крупные капли стекали по стеклу, и Павел спросил, закрыл ли кто-нибудь калитку, иначе опять будет хлопать. Ромка ответил, что проверял, а Антон, вспомнив о зарядке и пошел за ней в прихожую. Илья отодвинул стул, чтобы пропустить его, и услышал со стороны входа слабый скребущий звук, повторившийся, пока остальные спорили, придется ли завтра выталкивать машины из размокшей обочины.

Он сначала решил, что Антон задел сумку, но тот уже возвращался с проводом в руках. Скрежет раздался снова, после чего послышалось протяжное мяуканье, настолько отчетливое, что Алина перестала говорить. Илья посмотрел в коридор, а Вадим обрадовался неожиданному гостю и предложил Павлу идти встречать следующего опоздавшего. Тот потребовал не открывать нараспашку, потому что от входа и так тянет, однако Илья уже поднялся и пошел к прихожей.

— Там кошка, что ли? — Алина вышла следом и остановилась возле его куртки. — Может, соседская заблудилась? Тут же дома рядом.

— Сейчас посмотрю, не оставлять же ее под дождем. Антон, подожди секунду, дай пройти.

За дверью тамбура мяуканье слышалось глуше, но когти по наружной обшивке скребли совсем близко. Илья потянул за ручку. На верхней ступеньке стоял большой черный кот, мок-

рый, с облезлым ухом и такими худыми боками, что на мгновение Илья подумал, не ошибся ли в темноте с размером. Кот поднял морду, снова протяжно мяукнул и отступил, когда дверь открылась шире.

Вода стекала с его шерсти, а у передней лапы было налипшее темное пятно, похожее на грязь или подсохшую кровь. Илья присел, не пытаясь сразу дотронуться, и протянул ладонь, чтобы кот мог обнюхать. Тот не подошел, только посмотрел мимо него в освещенную прихожую. Из-за спины донеслось недовольное восклицание Вадима, который тоже решил проверить, кого нашли на крыльце, и теперь стоял в проходе, не позволяя Алине заглянуть наружу.

— Вот это зверюга! Не трогай ты его, Илюха, он же больной весь, видишь? Еще укусит, будешь потом по врачам бегать.

— Вадик, отойди, я не вижу! — Алина попробовала протиснуться сбоку и посмотрела на кота. — Ой, какой ободранный... Он вообще чей?

— Я у соседей такого не помню, — Ромка остановился за ними, оставаясь в прихожей. — Не надо его в дом, Илья. В сарай можно, там сухо.

Кот дрожал, и Илья заметил это, когда тот переступил лапами, пытаясь поставить их на сухую часть ступеньки. До сарая пришлось бы нести или гнать его через двор, а он пока даже к руке не приближался. На поврежденном ухе шерсти почти не было, вдоль края тянулся старый рубец. Илья представил, как сейчас закроет дверь, отойдет к столу, а кот останется здесь царапаться, и не смог заставить себя подняться.

— Пусть обсохнет сначала. Я постелю ему что-нибудь у входа, он нам не помешает.

— Да у него блох, наверное, ведро! — Вадим попытался загородить проход ногой, хотя кот еще не собирался входить. — Ты его потом из дивана вытаскивать будешь? Или нам всем с ним спать?

— Он на диван не полезет, — Илья оглянулся на Романа, который тоже мог начать спорить, и попросил. — Принеси старое полотенце, пожалуйста. Или тряпку какую-нибудь, на пол положить.

— На кухне под мойкой есть, я видела, — Алина отошла от двери, пропуская Ксюшу, и потянула Вадима за рукав. — Не стой у него над головой, Вадик, он и так боится! Дай коту пройти.

Ксюшка принесла старое полотенце, на котором еще угадывался выцветший рисунок, и подала Илье. Он расстелил его в тамбуре, отступил, освобождая порог, и позвал кота, стараясь не делать резких движений. Животное долго смотрело в проход и поставило переднюю лапу на край полотенца. Вадим шевельнулся, кот отпрянул, и Илья раздраженно попросил всех отойти, раз уж не собираются помогать.

Уходить сразу никто не стал, но проход освободили. Кот переступил порог, замер, прислушиваясь к голосам в доме, и торопливо прошел мимо полотенца, не позволив Илье коснуться шерсти. В прихожей он попытался свернуть к вешалке, не нашел укрытия и проскользнул дальше, к открытому коридору. Ромка убрал ногу, чтобы не наступить ему на хвост, а Вадим успел сказать, что именно об этом предупреждал, прежде чем кот исчез за поворотом.

— Ну вот, теперь ищи его по всему дому! Я же говорил, у порога он сидеть не станет.

— Найду, Вадик, не переживай. Пусть успокоится, потом посмотрю, что у него с лапой.

Илья закрыл дверь и поднял с пола полотенце, на котором остались мокрые следы. В прихожей было тесно от стоявших людей, и он попросил Антона налить воды в какую-нибудь ненужную миску, пока сам разберется с тем, что натекло у порога. Илья вытер ступеньку со стороны тамбура и оставил полотенце возле стены, надеясь, что кот вернется на сухое, когда перестанет бояться.

Глава 2

Миску Антон принес в прихожую, когда Илья уже собирался вернуться к столу. Вода плескалась через край, и он взял ее обеими руками, чтобы не залить пол еще и здесь, а потом присел возле стены, откуда хорошо просматривался коридор. Кот не показывался. Где-то за поворотом оставались приоткрытые двери, и Илья пожалел, что впустил его, не приготовив места: теперь придется лезть под кровать или вытаскивать из шкафа, пугая животное окончательно. Он поставил воду и оставил рядом полотенце, надеясь, что искать кота все-таки не придется.

В гостиной Вадим уже рассказывал, как однажды чужой кот забрался к его соседям через окно, после чего неделю приходилось выставлять обувь на лестничную площадку. Алина не верила, что от одного кота могли пострадать сразу все ботинки, и требовала признаться, кому тот на самом деле отомстил. Илья остановился в дверях, слушая привычную перепалку, и поймал себя на желании еще немного постоять здесь, прежде чем возвращаться на свое место. За время возни у входа удалось перестать думать о вопросе, который он задал про последний вечер Дениса, и теперь было приятно слышать, как остальные спорят о чем-то, не требующем от него участия.

— Илюха, ты хоть дверь в спальню закрой, пока он там не устроился! — Вадим показал бутылкой на коридор. — А то будешь потом Дену объяснять, кто ему на постель нагадил.

— Лучше дай коту успокоиться. Ты ему на крыльце проход загородил, вот он и ломанулся куда попало.

— Я еще и виноват! Сам притащил, сам погладил, а Вадик крайний, значит!

— Не погладил, он не дал, — Илья сел и подтянул к себе стул, стараясь не задеть Антона. — Брось ты уже, пусть обсохнет. Завтра посмотрим, может, его кто-нибудь ищет.

Ксюша поднялась прикрыть дверь спальни, а Роман напомнил, что животное могло уже пробраться внутрь. Илья хотел пойти следом, но она вернулась почти сразу и сказала, что под кроватью пусто. Дальше искать не стали, и разговор вернулся к соседям Вадима, которые, по мнению Антона, вполне могли сами оставить открытое окно, а потом обвинять кота в том, что у них дома бардак. Тот возмутился за соседей, запутался в подробностях и наконец признался, что видел только вынесенные ботинки, а про остальное ему рассказали.

Илья улыбался вместе со всеми, пока не заметил в проходе черную морду. Кот стоял, выставив из-за косяка одну лапу, и не решался выйти дальше. Шерсть еще была мокрой, по бокам торчала клочьями, а на свету стало видно, насколько он худой. Илья потянул к себе блюдо с нарезкой, отломил край колбасы и подался вперед, опустив руку почти до пола.

— Иди сюда, поешь. Тут никто у тебя не отнимет.

Кот вышел из коридора и остановился возле стола. Вадим шевельнул ногой, не позволяя ему пройти дальше, и Илья уже собирался снова попросить не пугать животное, но кот повернулся к нему сам. На колбасу он даже не посмотрел. Илья положил кусочек на салфетку возле стула и предложил еще раз, стараясь поднести ближе, однако кот отвернулся и прижался щекой к его колену.

— Голодный же, посмотри на него, — Алина наклонилась через край стола. — Может, ему просто колбаса не нравится? Паш, у нас мясо осталось, без всего этого?

— Осталось, только пусть сначала хоть воды попьет. А колбасу не надо, там соли полно.

Илья убрал руку с едой и осторожно коснулся черной головы между ушами. Кот постоял, позволяя себя гладить, затем поднялся на задние лапы и оперся передними ему на бедро. Пришлось отодвинуться от стола, чтобы дать ему место, и подхватить под грудь, когда тот полез наверх, неловко цепляясь за ткань. Он оказался тяжелым, несмотря на худобу, и долго устраивался, пока наконец не лег, свесив хвост между коленями.

Пальцы сами вернулись к шерсти на загривке. Там попадались жесткие спутанные пряди, которые Илья не пытался разбирать, а возле уха кот вздрогнул, и пришлось отвести руку. Он хотел рассмотреть лапу, но животное подтянуло ее под себя, уткнулось мордой ему в локоть и замурлыкало так громко, что Алина засмеялась. Илья посмотрел на оставшуюся у стула нетронутую колбасу и поднял салфетку свободной рукой, уже понимая, что вставать ему теперь нескоро.

— Ну вот, тебе и постелили, — Антон отодвинул его стакан от края. — Сиди, только на раны не дави. Если заснет, потом можно будет переложить.

— Я же говорил, на диван не полезет. Ему и здесь хорошо.

— С тебя теперь вечером толку не будет, — Вадим подцепил открывашку и потянул к себе очередную бутылку. — Еще один такой нашелся. Ден тетрадкой прикроется, ты котом, а мы сидим, ждем, пока снизойдете.

Алина вспомнила, как Денис однажды ушел записать две строчки, пока остальные выбирали фильм, а вернулся, когда уже шли титры. Илья помнил тот вечер, только сам фильм почти не смотрел, потому что все время пытался понять, чем друг занят за стеной. Денису тогда удалось придумать сцену, которую он долго не мог написать, и потом он до ночи пересказывал ее на кухне, возмущаясь, что слушатели не задают вопросов. Вадим сказал, что вопросы у него были, но после первого Денис выгнал его из кухни, посоветовав сначала проснуться.

— Я ему говорил, печатай сразу, чего бумагу переводить, — Павел оторвал от этикетки узкую полоску и свернул ее между пальцами. — Он же потом половину не мог прочитать. Сам у себя спрашивал, что тут написано!

— Не половину, — Илья улыбнулся, вспомнив стрелки на полях. — Он дописывал между строками, потом еще сверху, а когда перепечатывал, находил, что вставил не туда. И начинал заново, потому что ему так больше нравилось.

— Он мне однажды сказал: «Я вообще думал, мне еще перо гусиное надо. Как у настоящих писателей в старину», — Алина рассмеялась и посмотрела на Ксюшу. — Я даже искала, где купить, хотела подарить, но там такие цены, как за самого гуся!

— Надо было обычное с улицы принести, он бы оценил, — Вадим откинулся на спинку стула. — И баночку чернил. А ноутбук забрать, чтобы не отвлекался от литературы.

Илья уже собирался возразить, что ноутбук все равно оставался нужен для публикаций, когда вспомнил разговор, к которому несколько раз возвращался после смерти Дениса. Друг тогда говорил о новом ужастике, но подробностей не рассказал, попросил подождать, пока напишет хотя бы начало. Илья позже заходил на его страницу, перечитывал старое и каждый раз проверял, не пропустил ли чего-нибудь еще. Мысль о бумажном черновике прежде тоже приходила, однако спрашивать в первые месяцы не хватило сил, а потом он привык считать, что непрочитанного больше не осталось.

— Он мне перед той поездкой говорил, что новый ужастик начал. Никому не показывал? Я потом смотрел — новых публикаций не было.

Роман ответил, что Денис постоянно что-нибудь начинал, и спросил, нет ли у Ильи хотя бы названия, чтобы понять, о каком тексте речь. Названия не было. Он помнил только обещание показать, причем даже не мог сказать, насколько далеко друг продвинулся, когда они разговаривали, и оттого, что ничего не мог объяснить, захотелось встать, пойти в кабинет и проверить все самому.

— Может, написал, а выложить не успел, — предложила Алина. — Если в тетради осталось, оно где-нибудь здесь должно быть.

— У него тетради и на кухне лежали, и в спальне, — Ксюшка потерла ладонью край стола, где осталось кольцо от стакана. — Он что-нибудь запишет и бросит, потом ищет. Вы же помните.

— В кабинете можно посмотреть. Там в столе раньше были, — Илья попробовал освободить ноги, но кот только прижался плотнее. — Я сейчас, дайте его переложить.

— Сиди, я сам схожу, — Антон поднялся и обогнул стол. — В каком ящике смотреть? Или просто везде?

— Не помню, Антон. Я давно не видел, куда он их убирал, может, на полке тоже что-нибудь есть.

Рома пошел следом, спросив по дороге, какого цвета была нужная тетрадь. Илья ответил, что не знает, и остался слушать, как в коридоре открывают дверь, а затем спорят, стоит ли вынимать папку с документами. Сказать, что искать не надо, он уже не мог. Рядом сидели люди, помнившие Дениса в его последний вечер, а ему хотелось хотя бы несколько незнакомых строчек, чтобы сегодня тоже получить что-то свое. Он рассеянно гладил кота и старался не представлять, как ему принесут старый конспект или чужой блокнот, а он будет вынужден объяснять, зачем всех поднял.

Первой на стол легла тонкая тетрадь с исписанной обложкой. Антон нашел ее под стопкой распечаток, но внутри оказались перечеркнутый список покупок и несколько страниц, на которых Денис прикидывал совсем другую историю. Илья узнал начало и сказал, что читал это раньше. Ромка принес еще две тетради из нижнего ящика и положил поверх первой, предупредив, что дальше под бумагами остались какие-то квитанции, в которых он рыться не станет.

Ксюша придвинула находки к себе и раскрыла одну на последних исписанных страницах. Вадим мешал, пытаясь читать через плечо, а потом перестал, когда ему предложили разбирать почерк самостоятельно. Илья видел знакомые наклонные строчки, несколько раз переправленное слово и стрелку, тянувшуюся к верхнему краю, и так остро захотел забрать тетрадь, что пришлось напомнить себе: ему сейчас все покажут. Денис действительно это написал, водил ручкой по бумаге, сердился на неудачную фразу и оставил здесь, собираясь вернуться.

— Тут «Кот Баюн», — Ксюша подвинула тетрадь ближе. — Может, это? Даты нет, я не знаю, когда он начал.

— Читай, раз нашла! — Вадим устроился поудобнее, убрав со стола пустую бутылку. — А то сейчас Илюха заберет и уйдет с ней в угол, будем опять ждать.

Илья хотел попросить хотя бы сначала показать заголовок, но Ксюшка уже расправила загнувшийся край страницы. Пальцы ее остановились возле первой строки, и ему показалось, что она собирается отказаться, однако она подвинула к себе тетрадь и начала читать.

«Кота впустили, когда дождь уже начал затекать под дверь. Старый, черный, с выдранным ухом, он стоял на пороге и дрожал, хотя был слишком велик, чтобы казаться беспомощным. Хозяин посторонился. Кот прошел мимо него, оставляя мокрые следы, и лег возле печи.

За столом продолжили разговор. Только младший все поглядывал на гостя: тот лежал неподвижно, но поворачивал ухо к каждому, кто начинал говорить.

“Слушает”, — заметил младший.

“А ты ему сказку расскажи, — ответили за столом. — Может, уснет”.

Кот открыл глаза.

“Не надо ему сказок”, — сказал хозяин и сам не понял, почему произнес это так тихо.

Тогда кот поднял голову и заговорил: “А вы рассказывайте. Я послушаю”».

Ксюша перевернула страницу, заглянула на следующую и вернулась назад, проверяя, не пропустила ли продолжение. Илья ждал, что снова начнет, но она подняла тетрадь и показала чистые листы. На последней исписанной странице после слов кота оставалось несколько свободных строк. Он потянулся за тетрадью, осторожно придерживая животное, и убедился сам: обрывалось именно здесь, на аккуратно поставленной точке.

— Ну вот, Илюха, все про тебя! — Вадим ткнул пальцем в сторону коридора. — Кота впустил, пол намочил, осталось печку найти. Ромыч, там дров нет, чтобы обстановку соблюсти?

Он посмотрел на кота.

— Слышишь, у тебя тут литературный родственник! — Кот не пошевелился, и Вадим протянул руку, но Илья придержал его за запястье. — Да не собираюсь я его дергать! Просто посмотреть хотел.

Тетрадь вернулась к Ксюше, а Илья продолжал видеть последние слова, хотя она уже закрыла обложку ладонью. Он хотел бы дочитать рассказ и узнать, что будет с людьми в избе, но вместо этого приходилось смотреть на чистые листы. Начало было коротким, еще без привычных исправлений, и оттого особенно обидным: друг успел позвать слушателей к столу, а дальше ничего не оставил. Илья подумал, что дома снова откроет его страницу и перечитает что-нибудь целое, где не нужно догадываться, чем все могло закончиться.

— А давайте сами закончим! — Вадим забрал с края стола открывашку. — Чего тут думать? Кот пришел, жрать хочет, мужики попались. Каждый расскажет, как он с ними разобрался.

— Вадик, он же не просто так обрывается, Денис наверняка дальше что-то придумал. Мы откуда знаем, что там должно быть?

— Да мы ж не публиковать собираемся! Расскажем, кто как видит. Тоха, ты чего молчишь, тебе же всегда надо было, чтобы в конце все объяснили?

— Мне и сейчас надо, только сначала пусть кто-нибудь начнет. А то у тебя пока весь сюжет — кот всех съел.

Илья посмотрел на тетрадь, ожидая, что Ксюша тоже откажется, но она убрала ее на свободный край стола и спросила, кто первый. Отговаривать остальных после этого было неловко. Он не хотел, чтобы начало Дениса превратилось в повод для очередного представления Вадима, хотя помнил, как сам друг любил слушать чужие версии и потом спорить, доказывая, что все неправильно поняли. Сейчас бы он уже перебивал, требовал дать договорить, а Вадим нарочно добавлял бы такое, чего точно нельзя оставить в рассказе.

— Я и начну, раз вы все такие серьезные, — Вадим придвинул к себе пустую тарелку, освобождая место для локтей. — Только потом не говорите, что предупреждать надо было. Ужастик заказали, ужастик получите.

— Короче, там один сразу сообразил, кого они впустили. Увидел, как кот когти выпустил, а они в половицу вошли, вот такие дырки остались. Ну и понял, что ждать больше нечего, сейчас им всем конец. Сказал, что за пивом сходит, а сам в кладовую и заперся. Дверь толстая, окно наверху крошечное, здоровенная тварь нигде не пролезет. Можно до утра сидеть, пока остальные отдуваются.

— Это Пахан у тебя? — Ромка усмехнулся, когда Павел нахмурился. — Он у нас за припасами ходит, больше некому.

— А чего сразу я? Я бы из дома выход искал, а не в кладовке прятался!

— Да подождите, я человека еще не убил, а вы уже делите! Раз не ты, значит, другой. Можно я продолжу, пока кот голодный?

Все притихли, слушая рассказ дальше.

— Ну вот, значит. Сидит он, слушает, как остальные с котом разговаривают, потом вдруг грохот, визг, кто-то к двери подбежал. Открой, говорит, помоги, а он не открывает. Если друг прибежал, значит, кот за ним, чего их обоих впускать? Уши себе заткнул и ждет, пока все закончится. И тут в окошко скребутся, снаружи, хотя оно под самым потолком, а за стеной никакой лестницы нет.

Илья против воли посмотрел на черный затылок у своего локтя. Кот размяк, и теперь его приходилось придерживать, чтобы не сполз, пока Вадим рассказывал, как за стеклом появилась лапа. Стекло выдавили внутрь, осколки посыпались на мешки, и человек отодвинулся к двери, только тогда поняв, что запер ее так старательно, что в темноте не может найти задвижку. Он уже кричал, звал тех, кого не впустил, и шарил по дереву, обдирая пальцы, когда за ворот зацепились когти.

— За шиворот его, как котенка, — Вадим показал на своей рубашке, отчего Алина поморщилась. — Он ногами в стену упирается, руками хватается, а его все равно вверх тащат. Голова пролезла, плечи нет, вот тут кот и начал помогать.

— Как помогать? Он же сам его туда тащит!

— А ты представь, Алька! Плечо выдернул, потом второе, что мешалось — оторвал. Человек еще орет, а у него уже рука отдельно на пол падает. Кот его по кускам через окно и вытащил, чтобы ничего внутри не оставлять. Утром дверь открыли, а там мешки целые, банки на месте и кровь по всей стене, даже на потолке!

Павел сказал, что через маленькое окно так никого не вытащишь, и тут же получил от Вадима предложение проверить. Антон спросил, почему человек, сумевший запереться, не мог обратно открыть дверь. Вадим возмутился, что у него требуют инструкцию к каждому засову, и напомнил, что люди в страхе вообще забывают, где находятся. Илья не вмешивался. Ему не нравилось, как легко из персонажа Дениса сделали мешок, который можно растрепать о косяк, и еще не нравилось, что он все равно представил этот крик за дверью.

— Ладно, теперь ты, Тоха, — Вадим развернулся к Антону. — Давай умного, раз у меня все дураки. Посмотрим, куда он у тебя денется.

— Помните, у Дениса младший заметил, что кот слушает? Вот этот парень не стал дожидаться, пока ему голову оторвут, а вышел в сени и нашел веревку. Он знает, что кот заговаривать умеет, дорогу отводить, еще что-нибудь, поэтому привязал один конец к кольцу у крыльца, а другой с собой взял. Идет, а вокруг уже лес, хотя только что деревня была. В одной руке веревка, другой фонарем светит и думает, что, если выхода не найдет, хотя бы обратно вернется. Остальным сказал кота не трогать, пока его нет.

— Фонарь у него тоже на дровах? — Вадим ткнул пальцем в закрытую тетрадь. — Ты с эпохой определись, а то кот старинный, изба старинная, а твой уже сейчас по навигатору выйдет!

— Обычный фонарь, масляный, если тебе так важно. Там нигде не написано, какой век. Ты сам за пивом человека послал, чего придираешься?

Роман поддержал Антона, и Вадим отстал, хотя еще некоторое время пытался показать, как удобно идти с фонарем и веревкой, когда ветки лезут в глаза. Антон увлекся, объясняя, как человек отмечал дорогу и через каждые несколько шагов проверял натяжение, чтобы не потерять направление. В конце концов получилось понятнее, чем с запертой дверью, и остальные перестали вмешиваться.

— Потом он впереди свет увидел и решил, что дошел до соседнего дома. Пошел побыстрее, веревка зацепилась, он обернулся, а она от земли поднята и куда-то на ветки уходит. Там огонек качается, вот тот самый, к которому шел, только никакое это не окно! Он дернул, а с другой стороны так потянули, что пришлось отпустить. Фонарь выронил и разбил, вокруг темно, а рядом уже слышно, как кто-то ходит. Тяжелый, близко совсем, под лапами земля хлюпает.

— А домой-то как? — Павел подался вперед. — Он же конец выпустил, ему теперь дорогу не найти.

— Вот он тоже об этом подумал! Присел, значит, начал нащупывать, а веревка ему сама под руку легла. Он обрадовался, встал, только это уже петля была! Когти прошли возле щеки, и веревка оказалась на шее раньше, чем он успел пригнуться. Парень схватился за нее, пытаясь просунуть пальцы, но его оторвало от земли, протащило боком по дереву и снова бросило вниз. Он захлебывался, не мог закричать и все еще пытался упереться ногами, пока петля затягивалась. Кот поволок его к дому через кусты, где торчали обломанные ветки, и оставил у крыльца, а остальные нашли его, когда вышли посмотреть, почему не возвращается!

Алина попросила больше не объяснять, что было с лицом, и Антон закончил на том, что человека все-таки нашли. Вадим заявил, что это нечестно: его за окно ругали, а здесь уже

веревка сама петлей становится. Пока они спорили, Илья поправил край толстовки, за который зацепился кошачий коготь, и заметил, что давно не пил. Тянуться к стакану неудобно, зато вставать не нужно, пока кот занимает руки.

Ксюша вызвалась следующей, когда Вадим предложил передать очередь ей и Алине вместе. Сказала, что придумала, а потом некоторое время смотрела на лежащую перед ней тетрадь, как будто собиралась попросить разрешения. Илья вспомнил, что на кухне она говорила о Денисе легко, а за столом уже несколько раз едва удерживалась от всхлипа. Он хотел предложить пропустить, но она начала, прежде чем удалось подобрать слова, которые не выглядели бы жалостью.

— У меня он из дома не выходит. Сидит со всеми, ждет, пока коту надоест и он уйдет, а потом слышит, как за окном его зовут. Голос знакомый, он его сразу узнает, только откуда взялся — понять не может. Потому что человек, который зовет, умер...

Илья увидел, как Ксюша обхватила тетрадь за угол, и опустил глаза к коту, давая ей возможность продолжить без общего внимания. Он знал о расставании с Денисом в тот день, когда они еще могли после ссоры помириться, и сейчас не хотелось ни смотреть с сочувствием, ни убеждать, что можно придумать другое.

— Ну вот, любимая его, которая умерла, — Ксения провела ногтем по краю обложки и продолжила. — Она ему говорит, что хочет помириться. Он знает, что ее похоронили, но все равно открывает окно. А там кот Баюн хватает его за горло и тащит наружу. В общем, убивает его этот кот.

Она остановилась, и Илья услышал, как в кухне работает холодильник. Кто-то поставил стакан на стол, но говорить не начали, даже Вадим не полез с вопросом.

— Вот так у меня, — она отодвинула тетрадь и взяла бутылку. — Давайте дальше, я закончила.

Алина спросила Павла, придумал ли он что-нибудь. Тот молча пожал плечами. Антон напомнил, что Пашка обещал найти способ поумнее кладовки.

Павел начал с того, что человек мог бы спрятаться среди тех, кого кот уже убил. Павел объяснил, что это совсем другая история: никто не запирается, никто не пытается убежать, просто ложится рядом с мертвыми и ждет, пока Баюн решит, что живых больше нет. Кот не должен каждого по второму разу проверять, когда и так понятно, что все кончилось.

— Он себе рубаху кровью намазал, чтобы не отличаться, — Павел показал на грудь и поморщился, сам представив, что предлагает. — Ложится, значит, между ними, глаза закрывает. И сначала реально получается! Кот рядом ходит, нюхает, а его не трогает. Он уже думает, что главное — до утра не шевелиться.

— Ты бы чихнул, — заметил Вадим, и Павел швырнул в него скомканной салфеткой. — Ну что ты сразу! У тебя же на пыль аллергия! Ты в шкаф полезешь и весь дом разбудишь.

— Дай договорить-то! Ты своего уже в окно вытащил, вот и другим дай рассказать!

Павел продолжил, все еще раздраженно поглядывая на Вадима, но скоро увлекся и перестал ждать очередной насмешки. Человек лежал, касаясь щекой чужого рукава, и не мог убрать руку, на которую навалилось тело. Рядом ходил кот, половицы прогибались, а лежащий боялся, что его выдаст дыхание, поэтому выдыхал понемногу и каждый раз замирал, когда шаги приближались.

— В общем, резко он выдохнул, и кот ему все брюхо нахрен исполосовал!

Алина отодвинула остатки еды и попросила не продолжать, а Павел вдруг смутился, заметив, что все действительно слушают. Сказал, что это и есть конец, кот добил человека и ушел. Вадим спросил, почему никто не заметил, как среди покойников появился лишний, и Антон напомнил, что покойникам некогда пересчитываться. И они дружно рассмеялись.

Илья представил невозможность сделать вдох. Захотелось расправить плечи, перестать сидеть согнувшись, но кот снова зацепился за ткань и пришлось осторожно высвобождать

коготь. Тот уже обсох, под ладонью было тепло, и Илья задержал пальцы на шее животного, пока остальные уговаривали Алину начать.

Она сначала пыталась отмахнуться, уверяя, что ничего не придумала. Потом Вадим предложил подсказать, и она отказалась уже от подсказки, напомнив, что после нее в сказке наверняка останется одна кровь, выпрямилась, посмотрела на тетрадь и начала про человека, который все-таки вышел из дома. Ему хотелось добраться хотя бы до соседей, но вокруг был лес, а позади слышались шаги, тяжелые и медленные, хотя он сам старался идти быстро.

— Он оборачивается, а там никого, — Алина говорила, глядя куда-то за плечо Вадима. — И пока стоит, тоже ничего не слышно. Только пойдет — опять следом идут. Он уже понимает, что кто-то за ним, но посмотреть боится, вдруг увидит Баюна рядом.

— А он уже рядом, — подсказал Вадим и потянулся к ее плечу. — Вот тут, Алька!

— Не трогай меня! — она отшатнулась, задев Ромкину бутылку, и тот поймал ее возле края. — Да ну вас, хватит! Я потом до утра каждый шорох слушать буду!

Вадим засмеялся, довольный, что удалось напугать, а Алина потребовала перестать и забрала у него тетрадь, которую он успел притянуть к себе. Рома предложил уже закончить, раз начала, но она покачала головой и сказала, что больше не хочет. Вадим принялся перечислять варианты, откуда именно может появиться кот, однако она перебила его, попросив оставить ее историю в покое. Ксюша поддержала: кто хотел, тот рассказал, незачем заставлять.

— И все-таки он должен обернуться, — Вадим не сдавался, хотя уже отодвинулся. — Чего ему теперь всю ночь идти, что ли? Пусть хоть увидит, кто за ним.

— Пусть идет, — Алина взяла у Романа свою бутылку и поставила перед собой. — Я дальше ничего придумывать не буду. Хочешь, свою еще раз расскажи, а мою не трогай.

Рома посмотрел на нее, затем отодвинул стул и устроился так, чтобы видеть остальных. Илья подумал, что сейчас он предложит другую тему: они и без того просидели над этим ужастиком Дениса дольше, чем собирались, а Алина уже жалела, что согласилась. Но Ромка сказал, что у него будет человек, который сумел договориться с Баюном. Вадим оживился, спросил, чем тот собрался расплачиваться, и получил ответ, что торопиться не надо, сначала пусть дослушает.

— Один понял, что кот всех сожрет, и решил договориться. Подошел к нему, ласково так заговорил и на другого показал, самого молодого: вот этого бери, он тебе ничего не сделает, а мы уйдем, мешать не будем. Остальные сначала заспорили, а он им: тихо, я знаю, как надо. Парня за плечи схватили, держат, он уже понял, для чего его оставляют. Кот сидит, слушает, на того, кого предлагают, даже не смотрит, — Ромка подался вперед. — Подходит он, значит, к этому умнику и лапой ноги перелом, к хренам собачьим!

Илья перестал гладить кота, заметив, как Алина посмотрела на Рому. Тот продолжал, не предлагая ей выйти и не спрашивая, хочет ли она слушать. Человек кричал, хватал за одежду тех, кто стоял рядом, и снова обещал коту остальных, всех до одного, лишь бы оставил его. Баюн прижал его к полу, провел когтями от горла к животу, но не дал умереть сразу. Когда человек начал терять сознание, кот убрал лапу, дождался, пока тот снова зашевелится, и продолжил.

— Он же говорил, что умеет договариваться, вот кот и слушает, что теперь скажет, — Ромка потянул к себе бутылку, не отрываясь от рассказа. — Пусть просит, пусть объясняет, какой он нужный и почему его нельзя убивать!

Вадим перестал улыбаться, хотя до этого ждал возможности вставить что-нибудь про удачную сделку. Илья смотрел на Ромку и не мог понять, зачем тот продолжает так долго, когда все уже представили и сломанные ноги, и невозможность умереть. Сам он выдумал бы конец на первом ударе, позволил бы человеку перестать чувствовать, а Ромка возвращал его обратно всякий раз, когда можно было закончить.

— Потом кот когти разжимает, отходит, и человек думает, что отпустили. Спасибо говорит, подняться пытается и про ноги забывает. Опять упал, до лавки дотянулся, а тут его зубами за ногу и к двери. Он в доски ногтями вцепился, а остальные еще и отходят, чтобы протащить не мешать. Баюн его на крыльцо выволок, а потом в лес утащил. И там до самого утра слышно было, как он орет, только пойти проверить уже никто не решился.

— Ни фига себе! — Антон отпустил край своей бутылки и попытался улыбнуться. — Не знал, что ты такой кровожадный. Тебе, пожалуй, лучше не напоминать, кто денег должен.

— Ужасы же рассказываем, — Роман пожал плечами. — Вы сами начали, я продолжил. Или надо было, чтобы он за ним с веревочкой бегал?

Антон не стал отвечать, а Вадим сразу заявил, что его окно все равно было лучше, потому что там человек хотя бы успел понадеяться. Павел возразил, что здесь тоже успел, когда кот отпустил, и они несколько минут спорили о том, что страшнее. Илья слушал и чувствовал, как затекли ноги. Он сидел с котом уже давно, а тот все еще спал, положив голову ему на руку, и шевелил ухом, когда кто-нибудь рядом повышал голос.

— Илюха, а ты чего с котом затихарился? — Вадим наконец повернулся к нему. — Все рассказали, теперь твоя очередь. Давай, мы ждем.

— Я ничего не придумал, Вадик. Вы же слышали, Алина тоже не стала, давайте на этом закончим.

— Алька хотя бы начала! А ты сидишь, слушаешь, кота гладишь, как будто у тебя одного отпуск. Придумывай, времени полно было.

— Денис умел, я нет. Я и готовое нормально не перескажу, а тут еще сочинять надо.

Илья посмотрел на Ксюшу, надеясь, что тоже поддержит, но она сказала, что здесь никто не писатель, и предложила рассказать хоть что-нибудь, не обязательно такое страшное. Павел тоже стал уговаривать, напомнив, что Илья всегда читал черновики Дениса и мог бы знать, чем тот хотел закончить. Пришлось возразить, что знать он не может, а придумывать вместо друга тем более не собирается, но Вадим тут же напомнил: никто и не требует угадать, они все сочиняют свое.

Отказываться дальше становилось неприятно, как будто он нарочно отделял себя от остальных. После Ромкиного продолжения в голове стояли сломанные ноги и человек, которого волокут через порог, и добавлять к этому еще одну расправу Илья не хотел. Он посмотрел на кота, осторожно разгладил шерсть между ушами и заметил, что тот наконец перестал дрожать. На рукаве осталось темное влажное пятно, но стирать толстовку сейчас все равно было негде, а кот лежал так доверчиво, что будить его ради удобства не хотелось.

— Ну, у меня тогда человек возле печи останется, — начал он, все еще глядя на черную голову. — Остальные попрятались, а этот сидит. Кот по избе ходит, когтями по половицам скребет, к лавке подойдет, ляжет и сразу встает. В другом месте попробует, опять не может улечься.

Вадим устроился слушать, заранее усмехаясь, а Илья вспомнил поврежденное ухо и то, как кот не позволил дотронуться до лапы. Человек в его истории сначала боялся даже дышать, ожидая, что сейчас доберутся и до него, а потом заметил слипшуюся шерсть на боку. На раненую сторону кот лечь не мог, на другую ложился — рану тянуло. Он ходил, пробовал устроиться и снова поднимался, пока человек не снял с лавки старый тулуп и не постелил возле печи.

— Кот на него смотрит, зубы показывает. А человек ему говорит: «Да не трону я тебя. Ложись». Тот долго стоял, потом лег, только голову не опускает и все следит. Человек руку протянул, а кот ее лапой схватил и прижал, когти выпустил.

Илья запнулся, ожидая, что его перебьют, и продолжил, когда никто не вмешался. Можно было выдернуть руку, но человек боялся сделать коту больно, если тот дернется следом, поэтому остался сидеть и ждал. Постепенно лапа перестала давить, и он смог погладить кота

по голове. Тот закрыл глаза, но руку не отпускал, как будто проверял, останется ли человек, когда он перестанет за ним следить.

— Так они до утра и просидели. Кот уснул, а человек пошевелиться боялся, потому что и разбудить страшно, и жалко. Видно же, что намучился. Под утро рука совсем затекла, он чуть пальцами шевельнул, кот проснулся и сразу когти выпустил. Потом посмотрел на него и убрал, а потом голову ему в ладонь толкнул.

— И все? — Вадим придвинулся к столу, заглядывая Илье в глаза.

— Все.

— А сожрал-то кого?

— Никого.

— Илюха, это Баюн. Он людей жрет.

— А у меня пусть поспит.

Глава 3

Вадим разочарованно откинулся на спинку стула и засмеялся, все еще разглядывая кота. Илья уже пожалел, что поддался на уговоры: теперь от него наверняка потребуют придумать еще что-нибудь, а он и так несколько раз забывал, с чего начал. На ладони лежала тяжелая кошачья голова, и поднимать ее, чтобы дотянуться до стакана, не хотелось.

— Ты бы ему еще тапочки принес, Илюха. И сказку на ночь почитал, чтобы спалось покрепче.

— Могу тебе почитать. Ляжешь рядом, только не разговаривай.

— А чего, я согласен! Меня тоже погладишь?

Илья рассмеялся и наконец высвободил руку. Вадик умел испортить любую попытку поговорить серьезно, но сейчас его дурачество было кстати: после рассказанного Романом не хотелось представлять, что кот все-таки сделает с человеком возле печи. Пусть они так и останутся вдвоем до утра, а остальные придумают себе что-нибудь другое.

— Все, закончили, — попросила Алина. — А то вы опять начнете, я потом уснуть не смогу.

— Алька, ты серьезно? Мы тут сидим, сами эту дурь сочинили, а ты уже боишься!

— Я сказала, что уснуть не смогу. Ты обязательно будешь ночью шуршать и ржать под дверью, я тебя знаю.

— Это идея, между прочим. Спасибо, учту.

— Вадик, отстань от нее, — вмешался Илья. — Попросила же, чего ты пристал?

Тот поднял руки, соглашаясь больше не спорить, и потянулся за пивом. Илья попробовал пошевелить затекшей ногой, но кот тут же приподнял голову и уперся лапами ему в живот, удерживая равновесие. Когти зацепили толстовку, и пришлось осторожно отцеплять их, пока животное недовольно ворчало.

— Давай, родной, слезай. Мне тоже встать надо, я же не кресло.

Кот позволил придержать себя под грудь и тяжело спрыгнул на пол. Илья следил, не припадает ли он на переднюю лапу, однако тот сразу скрылся под столом, задев хвостом его щиколотку. Поднявшись, Илья несколько секунд стоял возле стула, пережидая неприятное покалывание в ногах, и вдруг заметил на рукаве несколько черных волосков. Дома наверняка обнаружится еще целая пригоршня, а вытряхнуть все из машины потом будет невозможно. Он улыбнулся и собрал пустые тарелки с ближайшего края стола.

Ксения стояла у раковины, когда он вошел на кухню. Вода бежала тонкой струйкой, и она водила губкой по тарелке, поглядывая в окно над столом. Увидев в его руках новую стопку, она потеснилась, но Илья поставил посуду сбоку и взял полотенце.

— Давай я вытру, а ты складывай сюда. Вдвоем быстрее закончим.

— Ты отдыхать приехал, вообще-то. Поставь, я сама.

— Значит, ты тоже отдыхать приехала. Оставим до утра, и пусть Пашка нас ругает.

Она улыбнулась и протянула ему вымытую тарелку. Полотенце сразу намокло, пришлось сложить его вдвое и вытереть ободок сухим краем. Из гостиной слышался голос Вадима, доказывавшего, что он один придумал нормальный конец, но здесь можно было не отвечать и даже не слушать.

— Понравилась тебе твоя сказка? — спросила Ксюша. — Ты когда начал, я подумала, что сейчас кот ему руку оторвет.

— Мне и так хватило на сегодня. Еще Ромка с этими ногами...

— Я тоже их теперь представляю. Зачем он так подробно-то?

Она покрутила кран, убавляя воду, и подала следующую тарелку. Илья хотел сказать, что Роман, наверное, просто увлекся, но оправдывать его не стал: самому было неприятно слушать,

как выдуманного человека раз за разом заставляли приходить в себя. Вспомнилось, как Алина попросила не продолжать, и он пожалел, что тогда тоже не перебил.

— Ладно, фиг с ними. Не будем опять по кругу.

— Согласен, — он поставил тарелку на стол и кивнул на шкафчик. — Их сюда или на сушилку?

— Сюда, я место освободила. Только те две не ставь сверху, у них края неровные.

Илья убрал посуду и остался рядом, держа полотенце. На кухне уже почти все прибрали, а ему не хотелось уходить. Ксения тоже не спешила возвращаться за стол: вымыла губку и несколько раз отжала ее, хотя вода давно стекла.

— Я надеялся, что там целый рассказ будет, — признался он. — Глупо, наверное, после трех лет. Просто подумал, вдруг осталось еще что-нибудь, чего я не читал.

— Почему глупо? Я тоже хотела дочитать.

— А теперь буду придумывать, что он сам собирался написать. Наши-то варианты я уже знаю, спасибо Вадику.

Ксюша присела на свободный стул, и Илья устроился напротив. Через проход виднелся край накрытого стола, но оттуда их не звали. Можно было поговорить без необходимости подбирать слова так, чтобы услышали сразу все.

— Он мне однажды полрассказа дал, — сказала она. — Я прочитала, спрашиваю: а дальше? Он: еще нету, но ты пока скажи, как тебе. Я же не знаю, может, там в конце все объяснится, чего я сейчас ругаться начну? А он обиделся, решил, что мне неинтересно.

— Это у него любимое. Сначала заставит прочесть, потом спорит, почему ты ничего не понял.

— А я тогда действительно не поняла. Там у него женщина ребенка из леса приносила, только я до сих пор не знаю, своего или чужого. Он потом все переделал, я даже начало не узнала.

Илья помнил тот текст и мог бы рассказать, чем закончилась история, но Ксюша уже смеялась над тем, как Денис пытался выспросить впечатления. Он требовал непременно честного мнения и тут же начинал объяснять, почему читатель неправ. Однажды Илья предложил ему заранее написать еще и отзыв, чтобы больше не спрашивать. Денис посоветовал не лениться, раз уж глаза до последней страницы дошли, а потом все равно прислал новую версию.

— Он исправлял, — сказал Илья. — Делал вид, что сам придумал, но исправлял. Я однажды ему две недели ничего не говорил, ждал, пока заметит, что рассказ-то уже другой.

— И что?

— Сказал, что я все себе присвоить хочу. Там, где хорошо, это я подсказал, а где плохо — сам виноват.

Ксюша засмеялась, прикрыв рот ладонью, и Илья тоже улыбнулся, но продолжить не смог. Ему до странного отчетливо представилось, как Денис сидит напротив, развалившись на этом самом стуле, и возмущается, что его обсуждают за спиной. Все было так легко вспомнить, вплоть до интонации, что захотелось повернуться к проходу и позвать. Он потер полотенцем влажную ладонь, не зная, куда его деть, и наконец повесил на ручку духовки.

— Я ведь ехать не хотел, Ксюш. До самого утра думал, что сказать, чтобы не обидеть никого.

Она перестала улыбаться, но удивления он не заметил. Наверное, по нему и так было видно, с каким трудом собрался. Всю дорогу он репетировал нормальное приветствие, а приехал и застрял у ключей, как будто никогда прежде их не видел.

— Я тоже не хотела. Рома когда написал, я даже не ответила сначала.

— А почему приехала?

— Потому что потом жалела бы. Ты разве нет?

Он провел пальцем по мокрому следу на столе и кивнул. Дома было бы совсем тяжело: представлять, как друзья сидят здесь без него, и ждать, когда кто-нибудь пришлет фотографию. От сообщения он наверняка вздрогнул бы и принялся искать на снимке место, которое мог занять. Теперь он сидел на этом месте и все равно не знал, что делать дальше.

— Мне казалось, мы приедем, поговорим о нем. А я уже час с котом сижу, чтобы ни во что не лезть.

— Ты поговорил. За ужином.

— Да уж, поговорил. Лучше бы молчал.

— Не надо было молчать, — Ксения пододвинула к себе стакан, оставшийся после ужина. — Просто мы тоже не умеем. Я вот на Пашу набросилась, а он вообще ничего плохого не сказал. Сама потом думаю, зачем я так?

— Он не обиделся, Ксюшка. Ты же извинилась.

— Знаю, но все равно противно. Сидела, хотела хоть что-нибудь нормально сказать про Дениса, а получилось про номер в телефоне.

Илья посмотрел на нее и вдруг понял, что за весь вечер так ни разу не спросил, как она. При встрече они обменялись привычными словами, а потом он уже беспокоился о своих вопросах и о том, как остальные на них реагируют. Сейчас спросить тоже было трудно: слишком многое пришлось бы вложить в эти слова, и Ксюша наверняка услышала бы жалость, которой он сам сегодня не вынес бы.

— Ты завтра рано собираешься? — спросил он вместо этого. — Если не очень, можем потом еще посидеть, без всей этой толпы.

— Посидим, — она потерла большим пальцем край стакана и улыбнулась. — Только давай без сказок. Я с тебя даже смешную требовать не буду.

— У меня смешные не получаются. Спросишь у Вадика, он подтвердит.

Она поднялась и потянулась к чайнику, а Илья понял, что за разговором так и не выпил воды. Ксения налила ему в кружку из фильтра и заварила чай себе, после чего они еще немного постояли рядом у рабочего стола. Про Дениса больше не говорили, и уходить из кухни уже можно было без ощущения, что они не договорили самое нужное.

В гостиной Антон искал зажигалку, приподнимая край диванной подушки. На столе оставались раскрытые тетради, и Илья убрал ближайшую подальше от мокрого донышка бутылки, прежде чем та успела впитать воду. Из кухни донеслось предупреждение, что подогретую еду потом придется доедать самим, и Вадим немедленно потребовал ничего не выбрасывать.

— Со мной выйдешь? — Антон наконец вытащил зажигалку из-под подушки и показал ее Илье. — А то я тут скоро на потолок полезу, столько сижу.

— Выйду, только куртку накину. Там льет еще?

— Льет, но под крышей сухо. Далеко не пойдем.

На крыльце Илья застегнулся, поймав у воротника несколько холодных капель. Ветер забрасывал дождь под навес, и пришлось встать к стене, возле сухого края перил. Антон устроился на верхней ступеньке и закурил, прикрыв огонек от воды. За калиткой блестели машины, а у соседнего дома горело окно, через которое было видно часть светлой занавески. Кто-то прошел за ней и скрылся, оставив Илью с нелепым желанием тоже вернуться с улицы к обычному вечеру, к ужину и телевизору, который можно включить, не спрашивая, уместно ли сегодня.

— Ты машину нормально поставил? — спросил Антон. — Я утром пораньше хотел выехать, если меня никто не запрет.

— Нормально, за мной проедешь. Там места хватит.

Илья посмотрел на свою машину, стоявшую возле Ромкиной, и вспомнил оставленную в салоне старую куртку. Можно было сходить за ней и предложить постелить коту вместо полотенца, но возвращаться под дождь не хотелось. Кот и без того уже нашел, где устроиться, а искать его по комнатам сейчас все равно никто не станет.

Антон курил молча. Из приоткрытого окна гостиной доносился смех, но слов было не разобрать, и здесь, за стеной, они могли немного побыть отдельно от общего разговора. Илья вытянул затекшую после стула ногу и оперся о перила, чувствуя через рукав мокрый край доски.

— Ты на Ромку не злись, — сказал Антон. — Он и так со всеми списывался, собирал, чтобы хоть кто-то приехал. Не все же сразу согласились.

— Я на него не злюсь. С чего ты взял?

— Ну, ты за столом спросил, он тебе ответил... Мне показалось, вы сейчас поругаетесь.

— Из-за чего нам ругаться? Я просто спросил про Дениса.

Антон стряхнул пепел в пустую банку на ступеньке и прикрыл ее ладонью от дождя. Илья уже хотел попросить не начинать, но тот сам заговорил, глядя во двор.

— Мы плохо помним, Илья. Правда плохо, я тебе что помню, то и говорю. Выпили, сидели, потом пошли спать. Кто же знал, что надо запоминать?

От этих слов захотелось уйти обратно в дом. Он уже слышал их тогда и сегодня, почти в точности, и, видимо, теперь придется услышать еще раз от каждого. Илья расстегнул верхнюю кнопку куртки, которая упиралась в подбородок, и посмотрел на дождь, падающий с края навеса.

— Я не прошу вас вспоминать, сколько бутылок выпили. Мне хочется знать, какой он тогда был. Что рассказывал, над чем смеялся... Вы же с ним целый день провели.

— Обычный он был. Сначала всем радовался, потом устал, наверное, мы ему надоели к вечеру.

— Он говорил, что надоели?

— Да нет же, Илюх. Я так думаю, мы ведь тоже к концу уже сидели никакие.

Он не мог отделаться от ощущения, что стоит перед дверью, которую ему придерживают с другой стороны. Никаких особенных вопросов он еще не задал, однако каждый ответ приходилось вытягивать, и в конце все равно получалось, что вспомнить нечего. Хотелось спросить, почему Антон решил, что Денис устал, но тот уже потушил сигарету о край банки и смял пустую пачку. Илья удержался, не желая превращать разговор в допрос.

— Ладно, забудь. Я тебя сам замучил уже.

— Да не замучил ты! Просто я не понимаю, что ты хочешь услышать.

— Я тоже не понимаю, Антон. Если бы знал, наверное, проще было бы.

Они постояли под дождем, не находя, что добавить. Антон достал новую пачку, но открывать не стал и убрал в карман. Потом обернулся к двери, как будто собирался позвать Илью внутрь, и все-таки остался.

— Он про тебя спрашивал, — сказал он. — Когда мы приехали. Думал, может, ты еще успеешь.

Илья уставился на него, забыв о мокрых перилах. Антон говорил просто, и все, что он старался переждать с утра, вдруг сделалось невыносимо близким. Денис мог стоять здесь, возле этой двери, встречать машины и смотреть, нет ли среди приехавших еще одного человека.

— А вы что сказали?

— Что ты на работе. Он и сам знал, просто спросил, не разговаривал ли кто с тобой.

Илья провел ладонью по лбу и отвернулся ко двору. Он представлял себе последнюю встречу столько раз, что почти привык, но в этих мыслях Денис был занят друзьями и не вспоминал о том, кто не сумел приехать. Выходило, вспоминал. И еще надеялся, хотя Илья все объяснил заранее, обещав выбраться в другой раз.

— Ты только не начинай опять, — попросил Антон. — Ты бы приехал, если бы мог. Он же понимал.

— Не знаю, что он понимал. Я сам ему тогда толком не сказал, когда вернусь.

Ему хотелось хоть на минуту оказаться в машине одному. Нажать на блокировку, вытереть лоб рукавом и посидеть, пока Антон не уйдет, чтобы можно было вернуться за стол без расспросов. Но тот не торопил и не пытался утешить еще раз, и Илья постепенно справился с желанием куда-нибудь деться.

— Ты мне раньше этого не говорил.

— Не помнил, — Антон поморщился и потер пальцами запястье под манжетой. — Вот сейчас сказал, что ты хотел знать, и вспомнил. Как отвечать тебе начали, сразу подумал, что опять все про то, что случилось. А ты, оказывается, про другое спрашивал.

Илья кивнул и отошел от перил. Благодарить за такое было странно, хотя именно эту подробность он наверняка будет перебирать потом весь вечер. Антон попросил подождать, пока выбросит пачку, и они вернулись в дом, оставив мокрую банку под навесом.

В прихожей Илья долго не мог попасть крючком в петлю куртки. Она соскользнула с пальцев и ударила молнией по стене, заставив его разозлиться на себя за эту беспомощность. Он все-таки повесил ее и постоял возле вешалки, пока из гостиной не донесся возмущенный голос Алины.

— Вадик, ты совсем дурак?! Я тебе нормально сказала, чтобы не трогал!

Илья вошел, когда Вадим уже отступил к столу и смеялся, а Алина прижимала к себе телефон, не позволяя забрать. Возле ее стула валялась салфетка, за которой она, видимо, потянулась, когда Вадик подкрался сзади. Его ладонь еще была сложена крючком, и Илья без объяснений понял, чем тот опять развлекался.

— Я тебе просто руку на плечо положил! Что ты так взвилась, Алька? У тебя вон телефон сейчас дальше кухни улетел бы.

— Потому что ты мне в ухо рявкнул! Я чуть бутылку на себя не опрокинула!

— Тогда хорошо, что бутылку убрали. А то было бы две жертвы, ты и пиво.

— Вадимыч, хватит, — Роман отодвинул свой стул, освобождая Алине место рядом. — Тебе сколько раз повторять? Не смешно уже.

— Да ладно вам! Страшилки сочиняют, а потом плеча коснись — и все, конец света!

— Ты сам себе в ухо поори, — сказал Илья. — Или Пашку попроси, он с удовольствием. Чего ты к ней привязался?

Вадим повернулся к нему, собираясь что-то возразить, но Алина уже обошла стол и села возле Ромы. Она отодвинула его бутылку, чтобы поставить телефон, и попросила больше ничего не рассказывать, иначе уйдет спать прямо сейчас. Вадик пожал плечами, по-прежнему улыбаясь, и поднял с пола салфетку.

Илья сел на свое место, с трудом удержавшись от резкости. После крыльца его раздражало решительно все: смех Вадима, пустой стакан возле локтя и необходимость снова делать вид, что он просто вернулся с улицы. Ему хотелось забрать тетрадь Дениса, найти незанятую комнату и хотя бы полчаса ни с кем не говорить.

— Чего я один для всех стараюсь? — Вадим обвел стол взглядом, но никто не поддержал шутку. — Ладно, пива принесу, раз развлечения закончились. Ромыч, тебе надо?

— Там еще есть, себе возьми. И оставь уже людей в покое.

— Все, понял! Больше никого пальцем не трону, сидите, скучайте.

Он вышел на кухню, и Илья услышал, как открылась дверца холодильника. За оставленные возле тарелки тетради зацепилась этикетка, и он осторожно отлепил ее, стараясь не повредить обложку. Теперь, когда Вадим ушел, можно было наконец перелистнуть найденное без чужих комментариев и проверить, не осталось ли еще чего-нибудь между страницами.

Денис исписал обложку с двух сторон, поэтому, добравшись до середины, Илья увидел перевернутые строчки. Он повернул тетрадь и узнал набросок старого рассказа, в котором автор несколько раз менял имя героини. На полях осталось другое имя, зачеркнутое так старательно, что прочитать его уже не получалось.

— Там еще что-нибудь есть? — Антон отставил стакан, чтобы не мешать. — Мы просто все вытащили, разбирать не стали.

— Старое, я это читал. Тут у него героиню в трех местах по-разному зовут.

— Значит, нашел, что исправлять. Покажи, где он начал, я почерк этот вообще не разобрал.

Илья подвинулся, давая ему заглянуть, и придержал тетрадь за сгиб. Рядом с зачеркнутым именем Денис вывел на полях несколько вопросительных знаков и обвел их, как будто надеялся, что при следующем чтении наконец поймет, что собирался здесь сделать. На другой странице стояло сердитое «потом», и Илья провел по нему пальцем.

Со стороны кухни что-то заскребло, и он поднял голову. Звук повторился, но Вадим не отозвался, хотя холодильник уже закрыли. Илья посмотрел на проход и только тогда заметил, что бутылок никто не принес.

— Вадик, хорош придуриваться!

Из-за кухонной стены донесся приглушенный смешок, и Илья раздраженно закрыл тетрадь. Он уже собирался встать, чтобы вытащить шутника из укрытия, когда внутри кладовой что-то глухо ударило в дверь. Вслед за ударом раздался скрежет, резкий, частый, как будто по дереву провели зубцами вилки.

— Ну все, мы испугались! — крикнул Илья, поднимаясь. — Выходи, хватит уже!

Сначала послышалось что-то невнятное, похожее на сдавленный кашель. Потом Вадим позвал Романа, и Илья, уже сделавший шаг к кухне, остановился, не понимая, почему друг вдруг говорит таким голосом.

— Ромыч! Ромыч, открой!

Тот обогнал его у прохода и дернул ручку кладовой. Дверь приоткрылась на несколько сантиметров и уперлась во что-то твердое. Он толкнул ее плечом, раздраженно потребовав от Вадима отойти, но изнутри тут же ударили, и ручка едва не выскочила из пальцев.

— Не держи ее! Вадик, от двери отойди!

Илья еще успел подумать, что Вадик перегнул: нарочно упирается, заставляет их обоих толкаться возле кладовой, а потом выскочит с криком и будет до утра вспоминать, какие у них были лица. Хотелось выругать его так, чтобы окончательно отбить охоту к подобным развлечениям. Он потянул дверь на себя, проверяя, не зацепилась ли снизу, и услышал визг, от которого пальцы ослабли на ручке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.